



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РАСКРЫТИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 34.023:343
ББК 67.410.201

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НУЖДАЮТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ¹

Л.В. Лобанова

В статье поднимаются некоторые вопросы, связанные с реализацией уголовно-правовых средств, призванных обеспечить безопасность частных лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства. Обращается внимание на недостатки некоторых из них, а также на отсутствие гарантий защищенности отдельных субъектов процессуальных отношений от ряда общественно опасных деяний. Вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: участники процессуальных отношений, уголовно-правовые гарантии безопасности, посягательство на жизнь, принуждение к даче показаний, отказ от применения мер безопасности.

Любая процессуальная функция может успешно выполняться лишь при условии, если ее носитель не опасается за свою безопасность, а также за безопасность своих близких. В то же время в области судопроизводства, особенно уголовного, где взаимодействуют лица, преследующие различные интересы, реализация указанных благ оказывается проблематичной. Учитывая это, российский законодатель закрепил в главе 31 УК РФ ряд специальных норм, направленных на обеспе-

чение безопасности участников процесса и близких им лиц. К таким нормам прежде всего относятся положения ст. 295 («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»), 296 («Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»), 311 («Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса»). Данную роль призваны также выполнять ст. 302 («Принуждение к даче показаний») и ч. 2–4 ст. 309 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за принуждение к даче ложных показаний, ложному заключению эксперта, не-

правильному переводу. Жизнь, однако, показывает, что правовая основа для привлечения к уголовной ответственности виновных в посягательствах на безопасность участников процессуальных отношений недостаточно эффективна. Так, в Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 гг.», утвержденной Постановлением № 792 Правительства Российской Федерации, приведены данные о том, что в России «ежегодно около 10 миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний» [16].

Такое положение не может не отразиться на уровне доверия людей к юрисдикционным органам. Даже в официальных документах таковой характеризуется отнюдь не высокими цифрами. Так, в Концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р, отмечается, что «согласно опросам общественного мнения только 27 процентов граждан России доверяют органам правосудия, при этом 38 процентов органам правосудия не доверяют» [14].

Причины создавшейся ситуации заключаются, думается, не только в сложностях доказывания фактов незаконного воздействия на участников процесса, и не только в недостатках предусмотренных в процессуальном и ином законодательстве мер защиты либо малых объемах финансирования их реализации, но и несовершенстве закрепленных в уголовно-правовых нормах гарантий.

Анализируя указанные статьи Уголовного кодекса РФ, можно увидеть прорехи в уголовно-правовой охране участников процесса, что проявляется в определении в законе круга потерпевших от соответствующих общественно опасных деяний и в характеристике самих этих деяний.

Так, в ст. 295 УК РФ приводится обширный перечень участников процесса, которые признаются по данной статье потерпевшими от посягательства на жизнь. В этот перечень,

однако, не включены ни свидетель, ни потерпевший, ни заявитель, хотя именно безопасность этих лиц нередко оказывается под угрозой. Законодателя, видимо, не смутил даже тот факт, что свидетель является незаменимой процессуальной фигурой в отличие, скажем, от следователя, эксперта, специалиста и т. д. Интересные данные получил при опросе осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, А.Ю. Епихин. 11,4 % опрошенных заявили, что считают приемлемым для себя убийство свидетеля, тогда как в отношении убийства следователя такую готовность высказали лишь 6,5 % респондентов [7, с. 71–72]. Статья 295 УК РФ не может служить гарантией от посягательств на жизнь ни для гражданского истца, ни для представителя, ни для частного обвинителя, ни для секретаря судебного заседания. За рамками уголовно-правовой защиты, по сути дела, оказывается безопасность жизни любого вовлеченного в сферу судопроизводства лица, не обремененного властными полномочиями и не относящегося к числу близких этих субъектов.

В то же время уголовное законодательство дальнего зарубежья знает примеры включения в число защищаемых с помощью специальных норм субъектов, участвующих в процессуальных отношениях частных лиц. Например, в соответствии с п. 5 ст. 221-4 Уголовного кодекса Франции убийство свидетеля, пострадавшего или потерпевшего, совершенное либо в связи с тем, чтобы помешать им сообщить факты, подать жалобу или дать показания в суде, либо в связи с сообщением ими фактов, подачей жалобы или дачей показаний в суде, наказывается так же, как и убийство магистрата, судьи, какого-либо должностного лица системы правосудия или любого другого лица, являющегося представителем государственной власти или чиновником государственной службы, при исполнении или в связи с исполнением его обязанностей или возложением на него задания (п. 4 ст. 221-4), то есть пожизненным заключением [12].

Определенный интерес представляет также ч. 2 ст. 464 Уголовного кодекса Испании, в соответствии с которой наказанию в виде тюремного заключения от шести до двадцати четырех месяцев подвергается тот, кто виновен в действиях, посягающих на жизнь,

неприкосновенность, свободу либо сексуальную свободу или имущество заявителя, стороны или обвинителя, адвоката, прокурора, эксперта, переводчика или свидетеля в качестве мести за их деятельность в судебном процессе. Причем такая ответственность наступает независимо от наказания за соответствующее правонарушение [20].

Не подвергая обсуждению вопрос о правомерности закрепления нормы, предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь отдельных участников процессуальных отношений, в гл. 31 УК РФ, отметим следующее. Вряд ли может быть обоснован вывод, что для защиты интересов правосудия гораздо важнее защитить жизнь работников соответствующей сферы, чем вовлекаемых в данную сферу частных лиц. Еще абсурднее выглядит с позиции равноправия граждан суждение о том, что жизнь судьи, прокурора либо следователя ценней, чем жизнь свидетеля, потерпевшего или заявителя. Следовательно, аргументировать необходимость существования специальных норм, обеспечивающих повышенную охрану жизни участников процессуальной деятельности, можно лишь тем, что эта деятельность неизбежно связана с опасностью для телесной и психической неприкосновенности. Соответственно и отбор субъектов процессуальных отношений для определения круга лиц, чья жизнь требует усиленной охраны, должен осуществляться не только с учетом того, занимают ли они должностное положение и какую именно функцию выполняют, но и с принятием во внимание степени опасности для субъекта его включения в сферу судопроизводства. Вряд ли с учетом этого следует согласиться с предложением о еще большем сокращении перечня охраняемых ст. 295 УК РФ лиц путем исключения из него таких субъектов, как защитник, эксперт, специалист, судебный пристав и судебный исполнитель [31, с. 23]. Напротив, можно предположить, что опасность может в определенной ситуации подстергать каждого носителя процессуальных прав и обязанностей либо обязанностей по исполнению судебного акта.

В этой связи перед законодателем следует ставить вопрос не столько об уточнении или расширении перечня потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ,

как это нередко предлагается в юридической литературе (см.: [3, с. 72–78]), сколько о том, чтобы сделать этот перечень способным охватить всех субъектов, которые могут оказаться в зоне повышенной опасности благодаря участию в процессуальной деятельности. Одним из вариантов описания потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, могло бы быть, на наш взгляд, использование такого абстрактного понятия, как «участник судопроизводства».

С точки зрения определения круга защищаемых лиц непротиворечива и ст. 309 УК РФ, ибо она не может служить гарантией от принуждения к даче показаний путем применения угроз или других незаконных действий в отношении лица, привлекаемого в качестве обвиняемого либо подозреваемого со стороны частных лиц. Между тем опасность такого рода действий не является мнимой, особенно по делам о групповых преступлениях. На это неоднократно обращалось внимание в юридической литературе (см., напр.: [11, с. 100; 13, с. 57; и др.]). После закрепления в УПК РФ (глава 40¹) возможности заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, а в ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ – норм поощрительного характера эта проблема обострилась. Ведь активные участники преступных группировок зачастую прибегают к насильственным действиям в отношении своих соучастников, стремясь воспрепятствовать им в сотрудничестве с правосудием либо заставить отказаться от выполнения принятых на себя обязательств. «В таких случаях, – справедливо замечает М.М. Товчигречко, – превентивные возможности поощрительного уголовно-правового регулирования, установленные ст. 62 УК РФ (в ред. от 29 июня 2009 г.), существенно ослабляются или вызывают обратный эффект самосохранения преступного сообщества за счет пожертвования “слабым звеном”» [17, с. 19]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что предложение унифицированно подойти к определению круга потерпевших от различных видов принуждения к даче показаний (ст. 302 и ч. 2–4 ст. 309 УК РФ), в том числе и в части признания такими лицами обвиняемого и подозреваемого, находит в последнее время новых сторонников (см., напр.: [13, с. 18–19]).

В уголовном законодательстве зарубежных государств можно обнаружить нормы, которые способны служить гарантией от принуждения к даче показаний для лиц, обвиняемых в совершении преступления. Так, ст. 301 Уголовного кодекса Латвийской Республики «Принуждение к даче ложного показания, заключения или выполнения перевода» предусматривает наказание за подкуп или иное незаконное принуждение свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, эксперта или переводчика к даче ложного показания, заключения или перевода или к отказу от дачи показаний, заключения или перевода (см.: [22]).

Статья 245 Республики Польша устанавливает ответственность за применение насилия или противоправную угрозу с целью повлиять на свидетеля, эксперта, переводчика, обвинителя или обвиняемого или за нарушение в связи с этим телесной неприкосновенности (см.: [26]). Интерес представляет и ч. 1 ст. 307 Уголовного кодекса КНР, с помощью которой криминализировано, наряду с воспрепятствованием свидетелю в даче показаний, указание другому лицу о даче ложных показаний, совершенное с применением насилия, угроз или подкупа (см.: [21, с. 360]).

Подобные гарантии должны быть закреплены и в УК России, тем более что в УК РФ, в отличие от законодательства некоторых стран, отсутствует общая норма, предусматривающая ответственность за принуждение к совершению каких-либо действий либо к бездействию. Подобная норма, например, есть в УК Германии (§ 240). Согласно ч. 1 данного параграфа, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом тот, «кто с применением насилия или с угрозой причинения значительного вреда противоправно принуждает другого человека к совершению действия, допущению действия или к бездействию» [30, с. 138].

По пути создания общих норм, устанавливающих ответственность за принуждение к какому-либо поведению, пошел и законодатель Норвегии. В § 222 Общегражданского Уголовного кодекса данного государства, именуемом «Преступления против личной свободы», предусматривается наказание для лица, «которое путем незаконного поведения

или угроз принуждает кого-либо делать, терпеть или не делать что-либо, или способствует этому» [18, с. 198].

Вряд ли подход к решению вопроса об установлении гарантий от неправомерного воздействия на участников процесса с целью получения от них показаний, заключающийся в установлении нормы с высоким уровнем абстракции, является наилучшим. Он не позволяет выделить наиболее опасные формы принуждения, а также дифференцировать ответственность за различные его проявления, в том числе в процессуальной сфере.

В этой связи конструирование в гл. 31 УК РФ составов принуждения к даче показаний (ст. 302 и ч. 2–4 ст. 309) представляется оправданным. Другое дело, что такой подход требует особой тщательности в определении круга защищаемых лиц. Причем это касается не только субъектов, принуждаемых к даче показаний, заключений и т. п., но и адресатов угроз, а также других неправомерных действий. В данном отношении в коррекции нуждается и ст. 302, и ст. 309 УК РФ.

Е.А. Авдеева верно обращает внимание на то, что в последней статье нет упоминания о переводчике. «Следователь (дознатель), – пишет она, – может быть заинтересован в заведомо неправильном переводе, за осуществление которого переводчик несет уголовную ответственность по ст. 307 УК РФ, поэтому для уголовно-правовой защиты прав переводчика следует включить его в число лиц, принуждаемых к даче показаний, как это сделано применительно к общему субъекту в ст. 309 УК РФ» [1, с. 10].

Не акцентируя внимания на некоторых неточностях, вкравшихся в рассуждения автора, отметим следующее. Сама по себе постановка вопроса о целесообразности установления ответственности для лица, осуществляющего уголовное преследование, за принуждение переводчика к заведомо неправильному переводу, представляется заслуживающей внимания. Однако с положительным ответом на него не следует торопиться. Хотя в некоторых уголовных кодексах стран ближнего зарубежья предусматривается наказание за подобные деяния (см., например: ч. 1 ст. 341 Уголовного кодекса Республики Армения [24, с. 159]), видимо, все же требуется

предварительно провести криминологическое исследование, с тем чтобы выяснить, насколько распространенными являются соответствующие факты в реальной действительности. Несмотря на то, что аналогичная рекомендация высказывалась и другими учеными [5, с. 20; 10, с. 15; 13, с. 19], такими данными, видимо, наука пока не располагает.

Обратим также внимание на еще одно существенное различие в правовой регламентации ответственности за принуждение к даче показаний в статьях 302 и 309 УК РФ. В статье 302 УК РФ нет никакого упоминания о такой категории лиц, которым может быть причинен вред в результате незаконных действий, входящих в объективную сторону принуждения к даче показаний, как близкие допрашиваемому (дающему заключение) лица. В то же время указание на так называемых «близких лиц» в ст. 309 УК РФ имеется. В связи с этим в науке уголовного права высказаны заслуживающие внимания суждения о целесообразности признания в качестве возможных адресатов угроз или других мер незаконного воздействия в ст. 302 УК РФ лиц, близких принуждаемым участникам процесса доказывания [14, с. 19]. А.А. Калашникова, формулируя аналогичную рекомендацию, в то же время попыталась предупредить попытку смешения таких адресатов с потерпевшими от принуждения, являющимися участниками процесса [9, с. 15]. Представляется, что законодателю при составлении новой редакции ст. 302 УК РФ данный нюанс следует учесть.

«Прорехи» в уголовно-правовой охране безопасности частных лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства, образовались также в результате того, что при конструировании ст. 302 и 309 УК РФ не была учтена повышенная общественная опасность некоторых деяний, которые могут быть использованы в качестве способов принуждения, а также недостаточно четко или неполно охарактеризованы цели неправомерного воздействия.

Так, на наш взгляд, недостатком законодательной техники следует считать то, что законодатель в ст. 302 УК РФ ориентирует правоприменителя на признание незаконными способами только противоправных действий.

На самом деле эффективным методом принуждения может быть и бездействие. Например, равноценны, на наш взгляд, по своему влиянию на участника процесса незаконное задержание и незаконное содержание под стражей подозреваемого свыше 48 часов. Форма последнего – уголовно-наказуемое бездействие.

В ч. 2 ст. 309 УК РФ слишком узко, на наш взгляд, определено содержание угроз. Так, в данной статье речь идет только об угрозе убийством, причинением вреда здоровью и угрозе уничтожением или повреждением имущества. Но невозможно привлечь к ответственности по данной статье ни за угрозу похитить ребенка, ни за угрозу изнасиловать. За рамками данного состава преступления остаются и неконкретизируемые угрозы. Полагаем, что российскому законодателю, если уж он пошел по пути конструирования специальных норм, устанавливающих ответственность за посягательства на безопасность участников процесса, следует предусмотреть адекватные меры уголовно-правового реагирования на всякого рода запугивания указанных лиц. Видимо, и в этом случае следовало бы унифицировано подходить к решению вопроса об основании уголовной ответственности за два различных вида принуждения к даче показаний.

Пробелом в законодательном регулировании по-прежнему остается отсутствие в ст. 309 УК РФ указания на такую цель преступника, как добиться от свидетеля, потерпевшего отказа от дачи показаний. Это по меньшей мере нелогично. Если уж данной статьей преступным признано принуждение к уклонению от дачи показаний, по сути дела не являющемуся преступным посягательством, то тем более должна предусматриваться в данной статье ответственность за принуждение к отказу давать показания, рассматриваемому законодателем в качестве преступного деяния.

В юридической литературе высказывалось также предложение о дополнении диспозиции ст. 309 УК РФ указанием на такое посягательство, как воспрепятствование названными в данной статье способами явке свидетеля или потерпевшего либо даче ими показаний (см.: [6, с. 163]).

В данном предложении немало рационального.

Во-первых, в ранее действовавшем УК РСФСР 1960 г. также предусматривалась ответственность за подобные деяния, хотя законодатель при этом не связывал воспрепятствование свидетелю и потерпевшему в выполнении его обязанностей с какими-либо способами (ст. 182) [28, с. 127].

Во-вторых, немало примеров установления уголовной ответственности за воспрепятствование такого рода можно обнаружить в зарубежном законодательстве. Так, в ст. 336 Уголовного кодекса Украины, именуемой «Воспрепятствование явке свидетеля, потерпевшего, эксперта, принуждение их к отказу от дачи показаний или заключения», сначала описываются действия, зафиксированные в названии статьи, а затем уже говорится о принуждении к даче заведомо ложных показаний или заключения, подкупе свидетеля, потерпевшего либо эксперта в тех же целях, а также об угрозе совершения отмеченных в статье неправомерных действий из мести за ранее данные показания или заключение (см.: [29, с. 198]).

Напротив, в ст. 233 УК Литовской Республики, носящей название «Воздействие на свидетеля, потерпевшее лицо, эксперта, специалиста либо переводчика» после описания посягательства, отраженного в заголовке статьи, упоминается и о воспрепятствовании явке по вызову к должностному лицу досудебного расследования или прокурору, в суд или в Международный уголовный суд. В части 2 данной статьи говорится о совершении названного в ч. 1 действия путем насилия или принуждения (см.: [23, с. 317]).

Статья 360 Республики Сан-Марино «Посягательство на свободу свидетелей, экспертов и переводчиков» также объединяет в себе ответственность за различные формы воздействия на участников процесса доказывания. «Всякое лицо, – говорится здесь, – которое использует насилие, угрозу, обман либо предлагает или обещает выгоду с тем, чтобы воспрепятствовать даче показаний свидетелем, а также выполнению экспертом или устным переводчиком своих функций либо заставить давать ложные показания, экспертизу или перевод, подлежит нака-

занию в виде тюремного заключения второй степени» [27, с. 227].

В некоторых УК стран ближнего зарубежья воспрепятствованию явке свидетеля или потерпевшего либо даче ими показаний посвящены самостоятельные статьи (см., напр., ст. 337 УК Республики Армения [24, с. 157], ст. 403 УК Республики Беларусь [25, с. 276]). При этом в одних законодательных актах ответственность за воспрепятствование связывается с совершением незаконных действий (УК Республики Армения), а в других способ совершения преступления не указывается (УК Республики Беларусь).

В-третьих, в результате отказа законодателя от положения, ранее закрепленного в ст. 182 УК РСФСР [28], в УК России теперь отсутствуют адекватные меры реагирования на воспрепятствование путем незаконных действий, особенно насильственных, участникам процесса доказывания, реализовать свои права и исполнять обязанности. Вряд ли этот пробел могут восполнить нормы, предусматривающие ответственность за преступления против личности. Не совсем верно было бы оценивать подобные действия и по ст. 294 УК РФ.

Следует отметить, что уголовные кодексы некоторых зарубежных государств прямо предписывают рассматривать воспрепятствование явке свидетеля как вмешательство в деятельность суда. Например, в ст. 244 Закона об уголовном праве Израиля срыв приглашения свидетеля с намерением предотвратить или воспрепятствовать судебному процессу назван в качестве одного из способов вмешательства в ход судебного процесса (см.: [8, с. 236–237]). Однако в УК РФ безопасность участников процесса выступает в качестве не менее ценного объекта уголовно-правовой охраны, чем независимость судебной власти. И это справедливо. Не случайно законодатель, наряду со ст. 294 УК РФ, сконструировал статьи, устанавливающие ответственность за насильственные формы воздействия на вершителей правосудия (ст. 295, 296 УК РФ). Вполне логично было бы, если бы Уголовный закон также особо оговаривал наказуемость не только принуждения к определенному поведению участников процесса доказывания, но и иного насильственного на них воздействия.

В то же время мы полагаем, что оцениваемая рекомендация может быть принята лишь с некоторыми оговорками.

Прежде всего, предпочтительным нам представляется вариант установления уголовной ответственности за рассматриваемый вид воспрепятствования в отдельной статье Уголовного кодекса (скажем, в ст. 308¹ УК РФ), ввиду того, что диспозиция ст. 309 УК РФ и без того является громоздкой. Кроме того, среди лиц, которых вновь конструируемая норма должна будет охранять от насильственного воздействия, целесообразно назвать не только свидетеля и потерпевшего, но и других лиц, участвующих в процессе доказывания. Не исключена, по нашему мнению, целесообразность проведения полномасштабных исследований для выяснения необходимости установления особых запретов воспрепятствования подаче заявления о преступлениях, даче объяснений и т. п.

Упомянем еще об одной проблеме, связанной с реализацией положений, закрепленных в ст. 311 УК РФ. Содержащаяся здесь норма пока что может считаться «мертвой», поскольку не так уж часты факты применения в отношении участников процесса мер безопасности. По данным А.Ю. Епихина, лишь каждому третьему, обратившемуся за помощью, следователь обеспечил защиту. Автор при этом подчеркивает, что в 75 % случаев принятие мер защиты не гарантировало безопасность, и противоправное воздействие было все же оказано (см.: [7, с. 64]). Остается надеяться, что с принятием некоторых важных нормативных документов (см., напр.: [2]) в целях реализации Федерального закона № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [15] положение существенно изменится. Тем не менее вполне резонно предположить необходимость установления уголовной ответственности за отказ в применении мер безопасности в отношении участников процесса либо за недобросовестное отношение к выполнению соответствующей обязанности [4, с. 283–284]. Ведь ст. 293 УК РФ («Халатность») является, судя по всему, ненадежной гарантией от бездействия должностных лиц, призванных обеспечить безо-

пасность участников процессуальных отношений. В то же время зарубежное уголовное законодательство предоставляет образцы норм, нацеленных на обеспечение более ответственного отношения к обязанности применять соответствующие меры безопасности. Одним из таких образцов можно считать ст. 380 УК Украины («Неприменение мер безопасности в отношении лиц, взятых под защиту»).

В указанной статье установлено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет за непринятие решения, несвоевременное принятие или принятие недостаточно обоснованных решений, а также неприменение, несвоевременное применение достаточных мер безопасности в отношении работников суда, правоохранительных органов или лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, членов их семей и их близких родственников должностным лицом органа, на который возложены функции обеспечения безопасности указанных лиц, если эти действия повлекли тяжкие последствия (см.: [29, с. 195]).

Нам представляется, что подобное положение в случае его закрепления в УК РФ смогло бы послужить дополнительной гарантией также для лица, заключившего соглашение о сотрудничестве. За нарушение данного договора обвиняемым наступают довольно суровые последствия для данного лица – к нему не может быть применено смягчение наказания, предусмотренное частями 2, 3 и 4 ст. 62 и ст. 64 Уголовного кодекса. Между тем и представление ложных сведений, и сокрытие существенных обстоятельств могут быть связаны с реальной угрозой безопасности данного лица либо его близких. УК РФ, однако, никаких особых санкций за нарушение договора о сотрудничестве стороной обвинения не предусматривает. Не таится ли здесь опасность превращения договора о досудебном сотрудничестве в кабальную сделку? Такая постановка вопроса, думается, вполне правомерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-03-00656.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, Е. А. Принуждение к даче показаний: причины и меры предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Авдеева Елена Анатольевна. – М., 2008. – 18 с.
2. Административный регламент МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких : утв. Приказом МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 47.
3. Арестова, Е. М. Круг потерпевших от насильственных преступлений против правосудия (ст.ст. 295, 296 УК РФ) нуждается в уточнении и расширении / Е. М. Арестова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – № 2. – С. 72–78.
4. Бриллиантов, А. В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А. В. Бриллиантов, Н. Р. Косевич. – М. : ТК «Велби : Изд-во «Проспект», 2008. – 560 с.
5. Бунев, А. Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний : учеб. пособие / А. Ю. Бунев, И. Ю. Бунева. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2001. – 135 с.
6. Дворянсков, И. В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств / И. В. Дворянсков. – Ульяновск : Изд-во Ульянов. ун-та, 2001. – 177 с.
7. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве: Мониторинг общественного мнения Республики Коми (научное издание). – Сыктывкар : Изд-во Сыктывк. ун-та, 2002. – 142 с.
8. Закон об уголовном праве Израиля / под ред. Н.И. Мацнева. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005. – 412 с.
9. Калашникова, А. А. Принуждение к даче показаний (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Калашникова Анна Александровна. – М., 2004. – 24 с.
10. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации : учеб. пособие / Ю. И. Кулешов. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2001. – 152 с.
11. Лобанова, Л. В. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию : учеб. пособие / Л. В. Лобанова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 76 с.
12. Новый Уголовный кодекс Франции. – М. : Юрид. колледж МГУ, 1993. – 212 с.
13. Радченко, А. А. Преступные посягательства на участников процесса доказывания: проблемы квалификации и законодательной регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Радченко Алексей Андреевич. – Владивосток, 2010. – 31 с.
14. Российская газета. Бизнес. – 2012. – 2 окт. (№ 866).
15. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534; 2007. – № 31. – Ст. 4011.
16. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 41. – Ст. 4778.
17. Товчигречко, М. М. Проблемы уголовной ответственности за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Товчигречко Максим Михайлович. – Краснодар, 2009. – 23 с.
18. Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. Ю. В. Голика. – СПб. : Юридический Центр Пресс, 2003. – 375 с.
19. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : BUSINESS PRESS, 2001. – 203 с.
20. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М. : Зеркало, 1998. – 218 с.
21. Уголовный кодекс КНР // Приложение к кн.: Ахметшин, Х. М. Современное уголовное законодательство КНР / Х. М. Ахметшин, Н. Х. Ахметшин, А. А. Петухов. – М. : ИД «Муравей», 2000. – 432 с.
22. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой. – СПб. : Юридический Центр Пресс, 2001. – 313 с.
23. Уголовный кодекс Литовской Республики / под ред. В. Павилониса. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 470 с.
24. Уголовный кодекс Республики Армения : офиц. изд. / издание и официальная инкорпорация – Министерство юстиции РА. – Ереван, 2004. – 194 с.
25. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск : Амолфея, 2012. – 352 с.
26. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 234 с.
27. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / под ред. С. В. Максимова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 253 с.
28. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : с изм. и доп. по состоянию на 1 июля 1994 г. – М. : Изд-во «БЕК», 1994. – 400 с.
29. Уголовный кодекс Украины. – Х. : Одиссей, 2012. – 248 с.

30. Уголовный кодекс ФРГ : пер. с нем. – М. : ИКД «Зеркало-М», 2001. – 208 с.

31. Харисов, К. Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществ-

ляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Харисов Константин Нурфаязович. – Казань, 2004. – 26 с.

THE NECESSITY OF IMPROVING CRIMINAL LAW GUARANTEES OF SAFETY OF THE PARTIES OF THE LEGAL PROCEEDINGS

L. V. Lobanova

Some issues of the implementation of the criminal law means aimed at providing the private persons involved in the proceedings with safety are analyzed in this article. The author pays attention to some of its defects and to the absence of guarantees of safety of some legal proceeding subjects from the certain socially dangerous acts. It is suggested to improve the criminal legislation including the accordance its rules with the rules of the Russian Criminal Procedural Code.

Key words: *parties of legal proceedings, criminal law guarantees of safety, infringement on life, compulsion of evidence, rejection of the use of the security measures.*